

Правда и кривда — текст 17 из 17

Жили-были в одной деревне два соседа, Иван да Наум, -- оба портные. Раз согласились они идти в другие волости, промыслять своим мастерством. Пришли в одно село, начали баб да мужиков обшивать и заработали по двадцати рублей на брата.

Идут в другую волость и заспорили дорогой: как лучше жить -- правдой или кривдой. Наум говорит: "Правдой нужно жить", а Иван ему: "Врешь ты: из господ ли, из купцов, или из нашего брата, мужиков, -- кто умеет кривить, тот и в сапогах ходит. А у нас на деревне знаешь, чай, старика Архипа? Весь свой век прожил правдою -- ни сапогов, ни хорошего платья от роду не нашивал". Наум на своем стоит, не соглашается. Вот, ударились они об заклад, и такой между собой уговор положили: дойти до первого села и спросить у людей: чем лучше жить? Если скажут, правдою, -- то криводушный отдаст правдивому свои двадцать рублей; а если скажут, кривдою, -- пусть правдивый расплачивается.

Пришли в село, стали по избам ходить да спрашивать: "Скажите, люди добрые, чем лучше жить: правдою или кривдою?" Только, кого ни спросят, от всех один ответ: "Какая теперь правда! За правду не то, что не похвалят, а еще скажут: кляузник". -- "Нашли, о чем толковать! Само собой, кривдою жить лучше: кривда в сапогах ходит, а правда в лаптях..." Отдал Наум Ивану двадцать рублей. Принялись они по-прежнему работать, баб, мужиков обшивать. Заработали по тридцати рублей на брата и пошли в третью волость. Дорогой -- те же разговоры: чем лучше жить? Опять поспорили и ударились об заклад на тридцать рублей. Дошли до села, а навстречу купец едет. "Ваше степенство! Реши ты наш спор: чем лучше жить на свете -- правдой или кривдой?" Отвечает купец: "Отцы наши говаривали: не обманешь -- не продашь. Так неужто нам умней их быть? Наше дело купеческое. Правдой сыт не будешь, кривдой не подавишься; люди ложь -- мы то ж!" Отдал Наум Ивану тридцать рублей.

Заработали они в этом селе по пятидесяти рублей на брата; дорогой идучи, опять заспорили и порешили на том: кто теперь проспорит, пусть отдаст другому все пятьдесят рублей. Едет им навстречу барин. "Так и так, сударь, -- говорят: -- реши ты наш спор. Как решишь, так тому делу и быть". Говорит барин: "Нечего и спрашивать: все люди на одну стать, все кривдой живут". Взял Иван у Наума пятьдесят рублей, и пошли они дальше.

Пришлось им идти лесом и застигла их темная ночь -- зги не видно; бредут они ощупью, с дороги вовсе сбились. Как рассвело, стали они искать дороги -- нет

ни дорожки ни тропиночки: кругом дремучий темный лес без конца-края. Побродили целый день; вечером вынул Иван криводушный из котомки каравай хлеба и стал ужинать, а Науму поесть нечего: ничего он с собой в дорогу не взял. Подумал было он: не поделится ли с ним Иван, только Иван поел, хлеб в тряпочку завернул и в котомку уложил. Так и лег Наум не евши. Кое-как проворочался он ночь, встал утром натошак -- не под силу уж ему смотреть, как товарищ за хлеб принялся, -- и стал он просить у него хоть кусочек. Не дал Иван: "Ты, брат, правдивый, на правду надеешься. Пусть она тебя и кормит".

Опять целый день плутали; к вечеру Наум уж чуть-чуть ноги передвигает, отошал совсем. Как сели отдыхать, да принялся Иван есть, начал его Наум опять о кусочке хлеба молить. "Ладно, -- говорит Иван, -- пусть уж моя кривда теперь тебя выручит: давай, я выколю тебе глаз -- тогда дам хлеба".

Подумал-подумал Наум: "Ну-ка, -- говорит, -- коли глаз, если в тебе жалости нет". Выколол ему глаз Иван и дал кусочек хлебца.

Выколол ему Иван последний глаз, дал кусочек хлебца; а как поел он -- привязал ему к руке веревочку и повел за собой. Отошли они немного, надоело Ивану вести за собой слепого; вот он завел его в болото и бросил там. "Прощай, -- говорит, -- кум, не поминай меня лихом, со своей правдой в болоте сидючи". И ушел.

Загоревал-затужил Наум: "Видно, и в самом деле нет правды на свете; одолела меня кривда!" Выбрался кое-как из болота, бредет ощупью, и вдруг слышится ему голос: "Поверни направо и иди все напрямик. Дойдешь до самой чащи, найдешь тропинку; приведет она тебя к старому дубу. Ты на тот дуб влезь, ночи дождись и слушай: что кто под дубом скажет. Как услышишь, так и делай".

Повернул Наум направо, по тропинке дошел до дуба, влез на него и стал слушать.

Подошло время к полуночи, приходят под дуб двое -- Правда и Кривда. Правда в лаптях, Кривда в сапогах. Говорит Кривда: "Я сегодня три хороших дела сделала. Первое дело -- у помещика воду отняла: пусть его погорюет! Второе дело -- царскую дочь испортила: пусть царь поплачет! Третье дело лучше всего -- Иван Науму глаза выколол. Поделом Науму: мало меня почитал". Говорит Правда: "А все-таки, Кривда, твоё дело недолговечное. Велит помещик раскопать калиновый куст, что в овраге стоит, -- и вода у него будет; велит царь от той березы, что на высокой горе против его дворца стоит, отмерить двенадцать сажень на восход солнца, землю тут разрыть и крест, что в земле лежит, найти, да тем крестом царевну благословить -- и царевна выздоровеет. Умоется Наум из гремучего ключа, что из-под этого дуба бежит, -- и прозреет".

Перетолковали Правда с Кривдой и разошлись. Наум слез с дуба, прислушивается: тут и ключ журчит. Нашел ключ, умылся -- и стал зрячим по-прежнему. Ночь в лесу переночевал, а поутру в путь-дорогу пустился. Недолго и шел он, глядь: просвет показался, лес кончился; около леса идет большая дорога. Пошел он этой дорогою, приходит в барскую усадьбу. Зашел было водицы попросить напиться, а ему говорят: "Иди с Богом! У нас вода дорогая: за десять верст по воду ездим. Наш помещик просто озолотил бы того, кто бы ему воды на месте достал". Попросил тогда Наум, чтобы его к помещику провели. "Так и так, -- говорит, -- слышал я про вашу, сударь, беду и могу ей помочь". Помещик и слушать не хочет: "У меня, -- говорит, -- сколько тут колодезников перебивало! Только деньги с меня брали, а ничего не сделали". -- "Да мне денег не нужно". -- "Когда так, попробуй". Наум взял двух работников, пошел в овраг, раскопал калиновый куст, а вода из-под него как хлынет -- весь овраг залила. Диву дался помещик; не знает, как и благодарить Наума. Полный кошель серебра ему отсыпал.

Пожил здесь Наум день-другой, пошел дальше. Недаром пословица молвится: язык до Киева доведет. Так и Науму помогли добрые люди до царя добраться. "Ваше величество, -- говорит царю Наум, -- слышал я про вашу беду, что дочка у вас больна. Этому делу я помочь могу". Отвечает, ему царь: "Сколько у меня лекарей, ученых людей, перебивало -- ничего не помогли; а ты и подавно не поможешь". А Наум все на своем стоит. "Ну, -- говорит царь, -- помогай. Только, если хуже будет, -- сейчас тебе голову долой!" -- "На то ваша царская воля". Взял Наум двух слуг царских, пошел с ними на ту гору, что против дворца стояла, отмерил от березы двенадцать сажень на восход солнца; стали тут землю копать -- крест нашли. Благословил Наум тем крестом царевну -- выздоровела царевна. Несказанно царь обрадовался: "Проси у меня, чего хочешь, -- говорит Науму. -- Хочешь, дочь за тебя отдам?" -- "Что вы, ваше величество! Куда мне, мужику, в царскую родню лезть. Я и ступить-то по-придворному не умею". Отсыпал царь Науму целый четверик золота и отпустил Наума с великою честью.

Вернулся Наум на родину, новую избу купил, всем хозяйством заново обзавелся. Стала молва идти по деревне: разбогател-де Наум, у самого царя в гостях побывал. "Что за притча? -- думает Иван. -- И с глазами Наум, и с деньгами. Надо провести его". И пошел к нему в гости.

"С новосельем, кум!" -- "Спасибо". -- "Ты уж на меня, сделай милость, за прежнее не сердись; ведь сам знаешь: уговор такой был". -- "Ничего, слава Богу, я опять зрячим стал". -- "Говорят на деревне, будто ты с большими деньгами пришел, у царя в гостях побывал". Промолчал на это Наум. Видит Иван, что так толку не добьешься, дождался, пока подали угощение; тут у

хозяина язык развязался, и рассказал он гостю, как услышал голос на дороге, этого голоса послушался и богачом стал.

Вспало на ум Ивану это средство испробовать. Да вот горе: где тот дуб сыскать, под которым Наум разговор слышал? А сам Наум это место вовсе запомнил. И порешил Иван идти к знахарю за советом.

Говорит ему знахарь: "Незачем тебе дуб искать: я лучше место знаю. Выходи ты в самую полночь на болото; там увидишь старую лодку. Залезь ты под нее и слушай: что кто скажет. Как услышишь, так и делай".

Лежит Иван под лодкой, слушает. В самую полночь вылезли из болота трое: старый Дедушка-Болотник и двое чертенят. Сели на днище. "Чудные дела на свете творятся, -- говорит Дедушка, -- то все кривда одолевала, а теперь и правда в силу входит. Слышали, детки, какое счастье Науму-то привалило? Надо бы ему какую пакость придумать!" Иван насторожил уши, хотел голову из-под лодки высунуть, чтобы лучше слышать, да лодку-то и толкни.

Всполошились чертенята, вскочили, перевернули лодку и вытащили Ивана. Как завизжат: "Батюшки, чужой!", "Да уж не Наум ли это?" -- кричит Болотник. Плохо пришлось тут Ивану -- так плохо, что если б скоро петух не пропел, не быть бы ему живому. Избили его черти до полусмерти и в болото бросили.

Утром шли мимо мужики, увидели Ивана в болоте, вытащили и завели в деревню. Сколько не допытывались от него, как он в болото попал, -- не сказал Иван. Только промолвил: "И другу и недругу закажу знахарям верить". Да еще с той поры за кривду горой стоять бросил.